КІЕВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

16-го Іюля. № 14. 1876 года.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

РѢЧЬ

одного изъ пастырей къ прихожанамъ, съ приглашеніемъ къ пожертвованіямъ въ пользу славянъ Герцеговины и Босніи.

Возлюбленная о Христѣ братія!

Вмѣсто слова поученія и назиданія, я намѣренъ вамъ сего дня разсказать одно печальное событіе, совершающееся теперь на бѣломъ свѣтѣ,—хочу разсказать вамъ тѣ страшныя бѣдствія, которымъ подверглись въ настоящее время наши братья по вѣрѣ и крови на востокѣ, хочу разсказать вамъ это для того, чтобы побудить васъ къ состраданію и милосердію.

Не безъизвѣстно вамъ, что далеко отсюда—на востокѣ, на той самой св. землѣ, гдѣ родился, жилъ, страдалъ, умеръ и воскресъ Спаситель нашъ Господь,—живутъ теперь и владычествуютъ народы, называемые турками.— Подъ владычествомъ этихъ турковъ находится много православныхъ христіанъ. Не безъизвѣстно, я думаю, вамъ и то, что турки страшно ненавидятъ христіанъ и потому

всѣми мѣрами стараются ихъ притѣснять и угнетать; но болѣе всего они притѣсняютъ и угнетаютъ христіанъ, живущихъ на балканскомъ полуостровѣ,—такъ называемыхъ босняковъ, герцоговинцевъ и сербовъ, родныхъ намъ не только по вѣрѣ, но и по крови, потому что они происходятъ отъ того же великаго славянскаго племени, отъ котораго происходимъ и мы—русскіе:—пятьсотъ лѣтъ эти бѣдные христіане страдаютъ въ мученіяхъ тяжелаго гнета варваровъ—турокъ; подобно христіанскимъ мученикамъ временъ языческихъ гоненій этотъ геройскій народъ выносилъ и выноситъ такія обиды и несчастія, какія только можетъ выдумать звѣрское своеволіе безбожныхъ мучителей—турокъ.

Не стану я вамъ разсказывать о тѣхъ податяхъ и налогахъ, которыми турки довели этихъ христіанъ до крайней нищеты; а скажу вотъ о чемъ: за малѣйшее преступленіе турки безнаказанно убиваютъ этихъ христіанъ; на долгіе годы отправляютъ ихъ въ ссылку и каторгу; сажаютъ ихъ въ мрачныя подземныя тюрьмы въ тяжелыхъ кандалахъ, гдѣ ползаютъ змѣи и скорпіоны; самымъ звѣрскимъ образомъ безчестятъ женщинъ и торгуютъ ими, какъ скотомъ; грудныхъ невинныхъ младенцевъ убиваютъ, или обвариваютъ въ кипяткѣ въ насмѣшку надъ св. крещеніемъ, живыхъ людей привязываютъ къ вертелу и жарятъ на огнѣ; съ живыхъ людей сдираютъ кожу; живыхъ людей четвертуютъ, рубятъ на куски и бросаютъ на съѣденіе собакамъ.

Какъ ни терпѣливъ этотъ народъ, но далѣе сносить такія тяжкія страданія онъ не могъ—вынужденъ былъ взяться за оружіе на защиту своей вѣры и народности.

И вотъ теперь всѣ способные къ войнѣ стоятъ съ оружіемъ въ рукахъ и защищаютъ свои права. Бѣдные же старики, жены и дѣти—нагіе и голодные десятками тысячъ, убѣгая отъ врага, ищутъ защиты и помощи у сосѣднихъ народовъ.

Несчастные они, безъ крова и пріюта, скитаются по лѣсамъ и пустынямъ, ищутъ убѣжища надъ моремъ и въ пропастяхъ. Стонъ и крики ихъ, плачъ и рыданія наполняютъ воздухъ и раздираютъ душу слышащихъ и видящихъ это. Такіе ужасы бѣдствій еще болѣе увеличиваются въ зимнее время. Трудно и представить себѣ ихъ горестное положеніе зимою, безъ жилищъ, безъ одежды и безъ пищи, съ малыми грудными дѣтьми. Что имъ остается дѣлать!.. Кромѣ того, сотни воиновъ погибаютъ на войнѣ и тысячи раненыхъ требуютъ немедленной помощи. Вотъ тѣ ужасы бѣдствій, которымъ подверглись единовѣрные намъ и единомысленные южные славяне. Бѣдные, они, съ растерзаннымъ сердцемъ взываютъ о помощи ко всѣмъ христіанамъ. Съ особенною же надеждою они взываютъ къ намъ—русскимъ—единовѣрцамъ и единокровнымъ братьямъ своимъ. Они крѣпко вѣрятъ, что русскій человѣкъ не откажетъ подать руку помощи въ годину несчастія кому бы то ни было, а особенно своему брату по вѣрѣ. И не напрасно они вѣрятъ такъ. Любвеобильный нашъ Государь Императоръ первый услышалъ ихъ вопли и велѣлъ по всей Россіи открыть подписку на добровольныя пожертвованія въ пользу этихъ великихъ страдальцевъ. И вотъ со всѣхъ концовъ Россіи начали посылаться пожертвованія. Жертвуютъ всѣ—православные и не православные, жертвуютъ христіане и не христіане. Жертвуютъ не только Россіяне, но и народы другихъ царствъ. Жертвуютъ скоро и щедро.

Объявляя объ этомъ и вамъ, именемъ Божіимъ призываю и васъ, возлюбленные братья, присоединиться къ этому святому и доброму дѣлу. Призываю васъ подать посильную лепту помощи страдальцамъ. Братіе мои! это нашъ долгъ, это наша святая обязанность. По слову Господню, мы должны помогать всѣмъ, даже врагамъ нашимъ. Сказано въ законѣ Господнемъ: любите враги ваша и благотворите ненавидящимъ васъ. Но эти страдальцы не только не враги намъ, а напротивъ братья наши—по вѣрѣ и даже по крови. Не поскупимся же удѣлить отъ своихъ трудовъ кто что можетъ на помощь этимъ несчастнымъ жертвамъ магометанскаго изувѣрства. Жертва наша не погибнетъ; Господь воздастъ намъ сторицею. Кто милуетъ нищаго, взаймы даетъ Богу. «Понеже сотвористе единому сихъ «братій моихъ меньшихъ, Мнѣ сотвористе», сказалъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ. Мы часто издерживаемся на пустое, тратимъ безвозвратно, даже на грѣховныя дѣла, почему же намъ не пожертвовать для облегченія тяжелаго страданія нашихъ братьевъ. Да не останется-жъ мое слово безплоднымъ.| Вотъ предъ вами тарелка: положи на нее кто что можетъ. Положи этимъ несчастнымъ въ жертву, какъ самому Богу, и повѣрь, что много грѣховъ Господь проститъ тебѣ за это, и многія милости ниспослетъ тебѣ за твою жертву.

Все, что вы пожертвуете, будетъ немедленно отправляемо по назначенію.

21 Ноября 1875 г.
М. Таганчъ.

Докторскій диспутъ въ кіевской духовной академіи.

11 іюня сего года въ кіевской духовной академіи происходилъ *седьмой* докторскій диспутъ. Экстра-ординарный профессоръ академіи по каѳедрѣ философіи Петръ Ивановичъ Линицкій защищалъ представленное имъ для полученія степени доктора богословія сочиненіе, подъ заглавіемъ: «*ученіе Платона о божествѣ*».

Докторантъ—уроженецъ харьковской губерніи; первоначальное образованіе получилъ въ мѣстной семинаріи, а окончательное въ здѣшней академіи, гдѣ въ 1865 году окончилъ курсъ со степенію магистра богословія. Свою службу при академіи г. Линицкій началъ съ 1867 года въ званіи баккалавра философскихъ наукъ; въ 1869 году, по преобразованіи академіи, переименованъ въ доцента, а въ 1871 избранъ экстра-ординарнымъ профессоромъ.—Докторантъ извѣстенъ многими учеными трудами, помѣщавшимися преимущественно въ мѣстномъ академическомъ журналѣ. Изъ нихъ обращаютъ на себя вниманіе: а) *общій взглядъ на философію*, б) *нравственныя и религіозныя понятія древнихъ греческихъ философовъ*, в) *общеобразовательное значеніе философіи*, г) *Платонъ, какъ представитель идеализма*, д) довольно много *критико-библіографическихъ замѣчаній* на вновь выходившія книги по философскимъ наукамъ и т. п.—Кромѣ того въ 1874 году докторантъ издалъ обширный учебникъ по обзору *философскихъ ученій*, удостоенный учебнымъ комитетомъ при святѣйшемъ синодѣ преміи преосв. Макарія (500 руб), предназначаемой за лучшія учебныя пособія.

Предъ началомъ диспута г. Линицкій произнесъ рѣчь. Заявивши, что ученіе Платона о божествѣ не есть особая,

более или менее самостоятельная часть философіи у Платона, но стоитъ въ связи со всею его системою и, такъ сказать, проникаетъ ее собою,—докторантъ, въ видахъ болѣе яснаго и цѣлостнаго представленія о предметѣ своего изслѣдованія, сдѣлалъ общій взглядъ на философію Платона. Мы приведемъ здѣсь заключительную часть рѣчи докторанта, гдѣ онъ касается отношеній платонизма къ христіанству.— «Съ давнихъ поръ,—говорилъ докторантъ,—многіе писатели усиливаются найти существенное сходство между платоническимъ и христіанскимъ ученіемъ о божествѣ, но безуспѣшно. И это понятно. Для не предубѣжденнаго взгляда яснѣе и очевиднѣе открывается въ этомъ случаѣ различіе, доходящее до противоположности, нежели сходство.—По христіанскому міросозерцанію не эстетическое наслажденіе умственною жизнію, а дѣятельная любовь, которая проявляется въ самопожертвованіи, есть основное требованіе нравственности; поэтому не понятіе блага, а понятіе долга имѣетъ здѣсь важнѣйшее значеніе. Христіанство не отрицаетъ художественнаго и научнаго стремленій, но возвышаетъ и освящаетъ ихъ тѣмъ, что въ основаніи ихъ полагаетъ нравственныя цѣли, не ограниченныя никакимъ кругомъ избранныхъ, но простирающіяся на все человѣчество.—Любовь, о которой говоритъ Платонъ, есть любовь, такъ сказать, отвлеченная, ибо относится къ идеѣ. Любовь же христіанская есть личное отношеніе къ Богу и своимъ ближнимъ. Различіе это очевидно основывается на различномъ представленіи о Богѣ въ платонизмѣ и христіанствѣ. Для Платона божество есть безличный, самодовольный, погруженный въ свою внутреннюю жизнь разумъ. Христіанство же учитъ о Богѣ какъ о Духѣ личномъ, преисполненномъ безконечной любви къ своему созданію—человѣку, которую Онъ открылъ совер-

шеннѣйшимъ образомъ въ посланіи своего Сына на землю и принесеніи Его въ жертву ради спасенія человѣка. Это основное положеніе полагаетъ раздѣляющую границу между платоновскимъ и христіанскимъ представленіемъ о Богѣ даже въ томъ случаѣ, когда, повидимому, онѣ сходятся. Такъ Платонъ говоритъ о благости божества, какъ побужденіи къ мірообразованію; но эта благость не есть личное свободное отношеніе Бога къ своему творенію, а состоитъ только въ томъ, что міръ образуется Богомъ цѣлесообразно, т. е. по извѣстному плану, а самый планъ простирается лишь на цѣлое и общее, слѣд. благость платоновскаго божества есть безличное теоретическое отношеніе къ цѣлому. Вотъ почему Платонъ и разсматриваетъ эту благость какъ общую идею».

Тезисы, представленные докторантомъ для защиты, были слѣдующіе:

1) Въ ученіи о божествѣ Платонъ является то монотеистомъ, то политеистомъ. Причина этого двойственнаго представленія о божествѣ заключается не въ томъ, что Платонъ говоритъ о божествѣ частію въ духѣ собственной философіи, а частію приспособительно къ народнымъ религіознымъ воззрѣніямъ (какъ утверждалъ *Теннеманнъ*), а въ томъ что вообще Платонъ стремился въ своей философіи связать два противоположныя начала: *единое* и *многое* (въ прежней философіи эти начала строго раздѣляли и противополагали одно другому), однако не уничтожая ихъ различія. Впрочемъ и въ народной религіи древн. грековъ вмѣстѣ съ политеизмомъ соединяется монотеистическое созерцаніе.

2) Двойственность Платонов. представленія о божествѣ обнаруживается также и въ томъ что божество разсматривается то какъ художникъ, или образователь міра, дѣйству-

ющій по цѣлямъ (сообразно съ идеями) слѣд. какъ существо личное, то какъ безличная идея блага. Несправедливо нѣкоторые, основываясь на этомъ, полагаютъ что идею блага должно различать отъ божества, или какъ свойство его природы *(Тренделенбургъ, Верманъ)*, или какъ норму его образовательной дѣятельности *(К. Ф. Германнъ)*. Идея блага есть только иной способъ представленія того же понятія которое также выражается въ миѳическомъ образѣ художника.

3) При отождествленіи идеи блага съ димiургомъ должно избѣгать двухъ крайностей въ истолкованіи этого тождества. Ни идею блага, для приведенія ея въ соотвѣтствіе съ представленіемъ мірообразователя, не должно возвышать до степени личнаго индивидуальнаго существа *(Штумпфъ)*, ни на оборотъ, идею мірообразователя не должно низводить до общаго отвлеченнаго понятія блага *(Целлеръ)*. Въ первомъ случаѣ ученіе Платона о божествѣ представляется теистическимъ, въ послѣднемъ—пантеистическимъ. На самомъ дѣлѣ теистическое представленіе о верховномъ разумѣ, какъ преводвижителѣ міра, созерцающемъ міръ идеальный, связывается у Платона съ пантеистическо идеею міровой души, что не дозволяетъ видѣть въ ученіи этого философа о божествѣ ни чистый теизмъ, ни чистый пантеизмъ.

4) Теологія Платона представляетъ нѣкоторыя черты сходства съ христіанскимъ богословіемъ. Но сходство это не внутреннее и существенное (какъ полагаютъ *Аккерманнъ* и *Михелисъ*), а только внѣшнее; оно не простирается далѣе нѣкоторыхъ терминовъ и отдѣльныхъ положеній, и эти термины и положенія, если разсматривать ихъ въ связи съ общимъ духомъ философіи Пл., получаютъ здѣсь смыслъ совершенно иной, отличный отъ того, который принадлежитъ имъ въ христіанскомъ ученіи.

5) Коренное различіе между платонизмомъ и христіанствомъ состоитъ не въ томъ что платонизмъ есть натуралистическій пантеизмъ, противоположный христіанскому теизму *(Беккеръ)*, или что христіанство *натуральнѣе* платонизма *(Штейнъ)*, а въ томъ что божество Платона есть абстрактный разумъ, хотя и полагаемый имъ внѣ видимаго міра, но привязанный къ идеальному порядку бытія, слѣд. не обладающій безусловнымъ могуществомъ и свободою дѣйствія, и не есть существо личное, между тѣмъ какъ по христіанскому ученію Богъ есть безусловно всемогущій Творецъ и Промыслитель міра, свободно полагающій цѣли творенія и промышленія и осуществляющій эти цѣли своею премудрою дѣятельностію въ природѣ и исторіи человѣчества. Платонъ могъ мыслить только возвышеніе человѣка до участія въ божественной жизни; христіанство же учитъ о низшествіи Бога на землю для спасенія человѣка.

Оффиціальныхъ оппонентовъ было два: ординарный проф. Д. В. Поспѣховъ и доцентъ М. А. Олесницкій.—Возраженія перваго оппонента касались:

1) *Метода диссертаціи г. Линицкаго.* Мысль докторанта, по замѣчанію оппонента, не всегда идетъ строго послѣдовательно и непрерывно поступательно прямымъ путемъ, но нерѣдко—то возвращаясь назадъ, то забѣгая впередъ, то дѣлая уклоны отъ прямаго пути, описываетъ довольно сложную кривую линію, законъ которой не легко опредѣляется. Особенно такой извилистый ходъ мыслей замѣтно выдается во второй половинѣ первой части сочиненія и въ первой половинѣ второй части.

2) *Воззрѣнія на ученіе Платона о божествѣ,* которое, по мнѣнію оппонента, не вполнѣ выяснено. Указанныя докторантомъ, черты Платонова ученія о божествѣ сами по

себѣ можетъ быть и вѣрны, но не настолько раскрыты и углублены самодѣятельною мыслію автора, чтобы изъ соединенія ихъ непосредственно слагался въ умѣ читателя совершенно ясный и цѣльный гармоническій образъ Платоновскаго божества съ характеристическою его физіономіею. Основное понятіе автора о Платоновскомъ божествѣ, какъ о совершенномъ, безличномъ разумѣ, всецѣло погруженномъ въ объективное созерцаніе идеальныхъ сущностей міра (идей), выведено путемъ критическаго анализа различныхъ мѣстъ Платоновскихъ діалоговъ; но не приведено въ полную гармоническую связь со всѣми существенными моментами Платоновской философіи и не выяснено въ качествѣ средоточнаго пункта міросозерцанія настолько, чтобы изъ этого средоточія все существенное содержаніе Платоновской философіи представлялось въ полномъ свѣтѣ, какъ одно гармоническое связное цѣлое.

3) *Отношенія платонизма къ предшествующему развитію теологическихъ представленій въ греко-языческомъ мірѣ, и послѣдующему—въ христіанскомъ.*—Этотъ отдѣлъ въ сочиненіи, по мнѣнію оппонента, отличается бо́льшею опредѣленностію; но и здѣсь чувствуется нѣкоторая неполнота освѣщенія. Изслѣдуя отношеніе Платоновскаго понятія о божествѣ къ предшествующимъ теологическимъ представленіямъ греко-языческаго міра, авторъ настаиваетъ почти исключительно на томъ, что Платоновское понятіе о божествѣ существенно ни въ одномъ пунктѣ не переходитъ за предѣлы греко-языческаго образа представленія божества, и указываетъ только существенное сродство его съ языческимъ бого-представленіемъ, оставляя почти безъ надлежащей оцѣнки тѣ высоко оригинальныя черты Платонова ученія, которыми оно отличалось отъ предшест-

вовавшихъ понятій и возвышалось надъ ними.—Опредѣляя же отношеніе Платоновскаго ученія о божествѣ къ христіанскому ученію о Богѣ, докторантъ рѣзко выставляетъ на видъ одно существенное и коренное различіе его отъ христіанскаго вѣроученія, доводя это различіе до совершенной противоположности.

Въ заключеніе оппонентомъ указаны были и достоинства сочиненія, дѣлающія его весьма цѣннымъ вкладомъ въ нашу ученую литературу, не особенно богатую хорошими изслѣдованіями по философскимъ наукамъ. Къ достоинствамъ сочиненія относятся: основательное знаніе содержанія и текста Платоновыхъ діалоговъ, обширное знакомство съ ученою литературою изслѣдуемаго предмета, остроумная критика различныхъ взглядовъ на него, предложенныхъ разными учеными изслѣдователями, гибкая діалектическая мысль, опирающаяся на тонкій анализъ, и наконецъ ясный и точный образъ выраженія мысли, въ соединеніи съ спокойно-объективнымъ тономъ, господствующимъ во всемъ сочиненіи.

Второй оппонентъ обратилъ главнымъ образомъ вниманіе на то, что докторантъ сдѣлалъ слишкомъ рѣшительное разграниченіе тѣхъ мѣстъ изъ сочиненій Платона, гдѣ послѣдній говоритъ *философически*, и тѣхъ, въ которыя онъ вноситъ *поэтическую форму*. Если бы не произведено было подобное разграниченіе, то, по мнѣнію оппонента, докторантъ изъ того факта, что на вершинѣ у Платона поставляется не ὁ ἀγαθὸς а τὸ ἀγαθὸν, что съ идей *блага* не связывается непосредственно ὁ Θεός, не сталъ бы тотчасъ выводить, что божество Платона должно быть низведено до значенія *идеи*, что у него нѣтъ ученія *о личномъ Богѣ*. Не только у Платона, но и у всякаго мыслителя разсужденіе о безъусловномъ, о верховномъ, о самомъ общемъ необходимо входитъ въ разсужденіе о божествѣ. Платонъ голый постулятъ своего метафизическаго мышленія, по силѣ полноты своей нравственной личности, образовалъ въ существо, которое по истинѣ можетъ быть названо Богомъ. Конечно Платонъ описываетъ свое божество часто въ поэтическихъ образахъ; но образное представленіе есть неизбѣжная сте-

пень, предваряющая познаніе въ строгихъ понятіяхъ. Уже древніе считали поэзію первою философіею, а поэтовъ первыми мудрецами.—Не заслуживаетъ ли, поэтому, доктораntъ упрека въ слишкомъ уже строгомъ отношеніи къ Платону,—въ томъ, что новѣйшую точку зрѣнія со всею строгостію перенесъ на античное созерцаніе?

Докторантъ на всѣ предлагаемыя ему возраженія отвѣчалъ съ полнымъ знаніемъ своего дѣла и замѣчательнымъ тактомъ, фактически оправдывая упроченную за нимъ репутацію глубокаго мыслителя—философа. Правда блистательная защита г. Линицкаго, доставившая ему званіе доктора богословія, не была сопровождаема аплодисментами и оваціями, но если молчаніе публики въ данномъ случаѣ понимать въ смыслѣ неодобренія защиты, то нужно будетъ сознаться, что *гласъ народа* не всегда бываетъ *гласомъ справедливости*.

ИЗВѢСТІЕ.

12-го іюля въ 8 часовъ утра прибылъ въ Кіевъ давно ожидаемый архипастырь, высокопреосвященнѣйшій митрополитъ Филоѳей и былъ встрѣченъ на вокзалѣ обоими преосв. викаріями и значительнымъ количествомъ духовенства и горожанъ. Отправившись затѣмъ въ лавру, высокопр. митрополитъ принималъ желавшихъ представиться его высокопреосвященству, а на другой день (во вторникъ 13-го іюля) соборнѣ совершилъ въ кіево-софійскомъ каѳедральномъ соборѣ божественную литургію, произнесъ вступительное и поучительное слово, а послѣ того, преподавъ благословеніе собравшемуся во храмѣ многочисленному народу, въ часъ дня въ митрополитанскихъ покояхъ принималъ наставниковъ академіи, семинаріи и училищъ, городское духовенство, представителей высшей городской администраціи и гласныхъ городской думы, поднесшихъ его высокопреосвященству хлѣбъ-соль.

Печатать дозволяется 14 Іюля 1876 г. Цензоръ Протоіерей М. Богдановъ.
Типографія С. В. Кульженко, Мало-Житомірская ул. домъ № 83.